

Ревиль Альбер

Иисус Назарянин

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А56

А56 **Альбер Р.**
Иисус Назарянин: Том 1 / Ревиль Альбер – М.: Книга по Требованию, 2022. –
398 с.

ISBN 978-5-519-80417-2

ISBN 978-5-519-80417-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

распространено оно среди пропагандистовъ социаль-демократическаго ученія въ силу ихъ неправильнаго мнѣнія, будто христіанство—помѣха къ осуществленію ихъ плановъ. Его поборники охотно называютъ его научнымъ въ противоположность къ тому, съ котораго мы начали, но въ этомъ они ошибаются: оно прежде всего—тенденціозно, а наука и тенденція несомѣстимы.

II.

Научныя направленія — среднія между этими крайними. Ихъ много; все же ихъ можно раздѣлить на двѣ крупныхъ категоріи. Отличительнымъ признакомъ является отношеніе автора къ природѣ Христа. Есть критики, признающіе Его божественность и реальность Воскресенія, какъ торжества надъ смертію; ихъ направленіе мы называемъ *супранатуралистическимъ*. Есть другіе, стоящіе въ обоихъ отношеніяхъ на почвѣ чистой человѣчности; это—богословы *натуралистическаго* направленія.

Я долженъ тутъ оговориться. Дѣло касается очень близкихъ человѣческому сердцу вопросовъ, и поэтому неудивительно, что споръ ведется не безъ участія аффекта; въ пылу страсти нерѣдко ученые натуралистическаго направленія отказываютъ своимъ противникамъ въ научности, а эти послѣдніе въ свою очередь не признаютъ ихъ направленіе христіанскимъ. И то и другое одинаково несправедливо.

Что касается перваго упрека, то вполнѣ возможно, даже допуская супранатуралистическій элементъ въ природѣ Христа со всѣми его послѣдствіями, примѣнять всѣ приемы научной критики къ традиціи о ней, изучая развитіе этой традиціи отъ трехъ первыхъ евангелій къ четвертому, далѣе къ ап. Павлу, еще далѣе къ отцамъ церкви. Да, наконецъ, и самыя имена людей—поборниковъ этого направленія служатъ достовѣрнымъ доказательствомъ его научности; иначе пришлось бы вычеркнуть и нашего Вл. Соловьева изъ числа людей науки. Не слѣдуетъ забывать, что тотъ критерій, который составляетъ коренную разницу между обоими направленіями, лежитъ внѣ области, доступной изслѣдованію науки, а потому самъ по себѣ ни научнымъ, ни ненаучнымъ названъ быть не можетъ; это—критерій не объективный, а субъективный, всецѣло зависящій отъ склада ума изучающаго чело-

вѣка. Въ нашъ вѣкъ расцвѣта естественныхъ наукъ сама собою выработалась посюсторонняя, такъ сказать, точка зрѣнія на явленія; люди съ ней свыклись и какъ-то невольно отождествляютъ эту посюстороннюю научность съ научностью вообще.

Столь же несправедливъ и другой упрекъ. Можетъ ли натуралистическое направленіе быть названо христіанскимъ? Съ точки зрѣнія существующихъ церквей, конечно, нѣтъ; но если стоять на почвѣ конфессіонализма, то вообще нельзя будетъ признать христіанами людей иностранныхъ исповѣданій. Если же понимать подъ христіанами, какъ этого требуетъ основное значеніе слова, просто послѣдователей Христа, то взгляды на дѣло мѣняются. Совершенно ясно, что человѣкъ, понимающій земную жизнь Христа съ земной точки зрѣнія, но признающій Его своимъ учителемъ, имѣетъ полное право называть себя христіаниномъ; но не менѣе ясно, что это признаніе, какъ вопросъ его личной совѣсти, можетъ и не отразиться вовсе на его научномъ изложеніи жизни Христа. Это послѣднее должно стремиться къ объективности, оно постольку будетъ научнымъ, поскольку будетъ объективнымъ. Идеаломъ объективности будетъ такое изложеніе, при чтеніи котораго нельзя будетъ сказать, христіанинъ ли его писалъ, или еврей, или буддистъ.

Итакъ, въ чемъ же суть? Если оба направленія—и супранатуралистическое и натуралистическое—одинаково должны быть признаны научными, то какъ же объяснить, что ихъ два, а не одно? Вѣдь наука есть стремленіе къ истинѣ; развѣ могутъ въ одномъ и томъ же вопросѣ быть двѣ истины?

Нѣтъ, конечно; но не слѣдуетъ забывать, что наука, при всемъ томъ, не тождественна съ истиной и никогда, въ предѣлахъ земного бытія, не можетъ отождествиться съ ней. Наука—отраженіе истины въ человѣческомъ умѣ, не болѣе; внѣ этого отражающаго начала она не существуетъ. Натурализмъ и супранатурализмъ—не объекты науки; это—формы познанія, свойства самой познающей души, постулаты познающаго ума. Для ума, способнаго познавать вещи въ одномъ лишь натуралистическомъ аспектѣ, всякое супранатуралистическое объясненіе будетъ непріемлемымъ; наоборотъ, супранатуралистически настроенному уму натуралистическое объясненіе священныхъ явленій и дѣяній естественно покажется низменнымъ и конюнствен-

нимъ. Здѣсь спорить нечего; громы и молніи супранатуралистовъ столь же несправедливы и неумѣстны, какъ и глумленія натуралистовъ. Опытъ прошлаго ясно доказываетъ, что оба направленія, а слѣдовательно оба пастроенія одинаково совмѣстимы съ научной честностью и правдивою порядочною; на этомъ можно помириться.

III.

Оговоривъ это, переходимъ къ интересующему насъ сочиненію. Объявляемъ напрямикъ, что оно принадлежитъ къ *натуралистическому* направленію. Супранатуралисты не найдутъ его соотвѣтствующимъ своему складу ума; все же мы просимъ ихъ, во имя ихъ собственныхъ христіанскихъ идей, не относиться къ нему враждебно, и вотъ почему.

Должны же они считаться съ фактомъ, что крутъ людей, для которыхъ, по всему строю ихъ умственной природы, супранатурализмъ непріемлемъ — въ настоящее время очень великъ. Обратитъ ихъ въ положительно вѣрующіхъ нѣтъ никакой надежды; конечно, у единицъ, часто подъ вліяніемъ мучительныхъ или радостныхъ переживаній, такіа обращенія бывають, но, во-первыхъ, это единицы, а во-вторыхъ, ихъ обращенія—дѣло именно переживаній, а не убѣжденія или принужденія. Нѣтъ, вопросъ поставленъ такъ: должно ли стремиться къ тому, чтобы удержатъ этихъ людей въ паствѣ Христа, или нѣтъ. Сплошъ и рядомъ бываетъ, что человѣкъ означеннаго склада ума уже въ зрѣломъ возрастѣ, въ тяжелую минуту жизни, или просто, чтобы разобратъ въ своей душѣ, беретъ за Евангеліе: «не можетъ же быть иллюзіей то, чѣмъ люди живутъ вотъ уже девятнадцать вѣковъ». Беретъ онъ за него съ наилучшими намѣреніями—и на каждомъ шагѣ испытываетъ разочарованія: пророчества, видѣнія, превращенія, воскрешенія и воскресенія, ангелы и дьяволы—нѣтъ, положительно, эта религія рыбаковъ и мытарей не для него, черезъ эти низкія ворота ему никогда не пройти. И вотъ онъ съ грустью опять ставитъ книгу на полку: онъ отъ нея далѣе, чѣмъ когда-либо, онъ уже въ душѣ не христіанинъ. Если бы въ эту минуту къ нему подошелъ человѣкъ широкаго ума и доброй души и сказалъ ему: «Ты напрасно отрекся отъ Христа. Тебя смущають эти пророчества, видѣнія, весь этотъ сверхъестественный

аппаратъ святой легенды; представь же себѣ, что всего этого гдѣтъ, обрати вниманіе на то, что останется за выдѣленіемъ всего того, что для тебя непріемлемо. Ты долженъ будешь признать, что этотъ остатокъ все-таки—самое величественное, что когда либо было высказано на землѣ. А затѣмъ—вернись къ тому, что тебя раньше смущало, къ этой чудесной оправѣ святой жемчужины; прими во вниманіе обстановку, при которой создалась и распространилась христіанская религія, ту атмосферу чудеснаго, въ которой люди жили тогда—ты убѣдишься, что эти рассказы о чудесахъ не могли не возникнуть самопроизвольно, ты поймешь и полюбишь ихъ, какъ даль благоговѣнія нравственно спасенныхъ людей своему Спасителю. Съ наилучшими намѣреніями эти люди своими дарами, какими кто могъ, заслонили сіяніе лампы, въ которой теплился заповѣдь любви; теперь, когда ты разглядѣлъ ее, ты и не потребуешь ихъ удаленія. Они нужны для такихъ же людей, какъ и тѣ; а ты, просвѣщенный, докажи свою просвѣщенность ласковымъ отношеніемъ къ тому, во что вѣровать могутъ многіе, и что любить могутъ всѣ». Если бы, повторяю, явился учитель, который въ эту минуту съ этими словами и съ этимъ ученіемъ къ нему бы подошелъ—неужели нашелся бы христіанинъ, который могъ бы его за это осудить?

Въ этомъ защита натуралистическаго направленія передъ судомъ супранатуралистовъ. Его представители никого совращать не намѣрены; кому вообще супранатурализмъ представляется пріемлемымъ, тотъ въ нихъ не нуждается. Но пусть и имъ будетъ даровано право распространять свѣтъ Христовой религіи среди тѣхъ, кто по всему строю своего естества къ воспріятію сверхъестественнаго неспособенъ.

IV.

Но каково же мѣсто Альберта Ревилля среди представителей натуралистическаго направленія? Данное ему его противниками - супранатуралистами прозвище «*Reparatus redivivus*» ясно показываетъ, по чьимъ стопамъ онъ пошелъ; третье же имя въ этой цѣпи—имя основателя научно-натуралистическаго направленія, *Давида Штрауса*. Дѣйствительно, до этого послѣдняго—его біографію и научную оцѣнку далъ недавно въ превосходномъ сочиненіи

Теобальдъ Циглеръ—натурализмъ прозябалъ въ панвномъ рационализмѣ Паулуса и его приверженцевъ, старавшихся спасти разумъ посредствомъ черезчуръ уже плоскихъ толкованій легендъ о чудесахъ, для которыхъ подыскивались естественныя якобы основанія. Передъ Захаріей жертвенный дымъ принялъ причудливую человѣческую форму—онъ вообразилъ, что ему явился ангелъ. Упоминаемъ этотъ «паулусовскій» рационализмъ потому, что мѣстами и нашъ авторъ, какъ мы увидимъ, бываетъ склоненъ прибѣгнуть къ нему; вообще же онъ теперь изгнанъ изъ научной критики, и это изгнаніе—заслуга Штрауса. Какъ хорошій историкъ и психологъ, Штраусъ зналъ, что изъ подобныхъ иллюзій легенды о чудесахъ не возникаютъ: ихъ источникъ—стремленіе вѣрующей души къ сверхъестественному подтвержденію вѣры, ихъ происхожденіе—не иллюзионное, а миѣическое. Дѣйствительно, это слово было введено Штраусомъ для объясненія возникновенія евангельскихъ легендъ о чудесахъ; и въ принципѣ данное имъ объясненіе удержалось среди представителей натуралистическаго направленія. Но въ примѣненіи этого принципа онъ—въ этомъ теперь тоже нельзя уже сомнѣваться—зашелъ слишкомъ далеко: подвергая «миѣическому» методу объясненія и такія части евангельскаго повѣствованія, которыя сами по себѣ никакого подозрѣнія въ своей достовѣрности не возбуждали, онъ растворилъ въ своемъ миѣѣ всю земную жизнь Іисуса, ничего не оставляя отъ него кромѣ голаго имени, вокругъ котораго—полагалъ онъ—кристаллизовалась самопроизвольно возникшая легенда о возжелѣнномъ спасителѣ человѣчества. Много причинъ этому содѣйствовало; главнѣйшей была чрезвычайно вліятельная въ эпоху Штрауса (его двухтомная «Жизнь Іисуса» появилась въ 1835/36 г.г.) гегелевская философія, очень склонная къ превращенію историческихъ событій въ логическія абстракціи. Онъ самъ это замѣтилъ впослѣдствіи; когда безъ малаго черезъ тридцать лѣтъ пришлось приступить къ новому изданію книги, онъ предпочелъ написать новую, которая давала бы настоящую «жизнь» Іисуса, а не только критическій разборъ и миѣическую перегонку сказаній о ней. Но пока онъ трудился надъ своей задачей—въ 1866 г. появилась «Жизнь Іисуса», написанная *Эрнестомъ Ренаномъ*.

Ренанъ раздѣляетъ со Штраусомъ лишь принципъ, общій всѣмъ представителямъ натуралистическаго нап्रा-

взлѣтъ—его критическое отношеніе къ чудесамъ; во всемъ остальномъ онъ его прямой антиподъ. Самъ Штраусъ призналъ эту разницу, когда онъ высказалъ пожеланіе, чтобы его книга стала для нѣмцевъ тѣмъ же, чѣмъ книга Ренана была для французовъ; позволительно, однако, сомнѣваться, чтобы здѣсь все дѣло сводилось къ національному различію. Вѣдь и Ренанъ испыталъ на себѣ могучее вліяніе нѣмецкой философіи и нѣмецкаго богословія; нѣтъ, времена были уже не тѣ. Гегеліанизмъ потерялъ свой кредитъ среди людей мысли: для Ренана Іисусъ былъ уже не мѣстической, а только легендарной личностью. Къ тому же, Ренанъ имѣлъ еще одно огромное преимущество передъ Штраусомъ: какъ археологъ-семитистъ, онъ самъ извѣдывалъ Палестину; для него берега Генисаретскаго озера—реальное представленіе, расписанное всѣми красками сочной дѣйствительности. И вотъ онъ погрузился всей своей душой въ этотъ восхитительный ландшафтъ, стараясь вызвать изъ него образъ порожденнаго имъ мужа. Съ эстетической точки зрѣнія задача была исполнена блистательно; и нѣтъ сомнѣнія, что страницы Ренановской книги, посвященныя описанію палестинской природы, составляютъ драгоценное достояніе культурной Европы и не потеряли своего значенія и понынѣ. Но его односторонняя эстетическая концепція Іисуса такъ же несостоятельна, какъ и эстетика вообще въ области религіи. Мы желаемъ познать Іисуса—завершителя вѣковыхъ стремленій человечества къ искупленію и спасенію; ренановскій чарующій учитель, ласковый проповѣдникъ и любимецъ женщинъ насъ не удовлетворяетъ. Эта неудача была неизбежна. Роковой разладъ между вѣрой и наукой нашелъ себѣ разрѣшеніе у Ренана въ области, одинаково чуждой обѣимъ, но у Ренана преобладающей—въ области эстетики; соотвѣтственно этому центральному свойству своей души, онъ и жизнь Іисуса превратилъ въ красивый романъ. Наука и вѣра поиграли имъ и затѣмъ пошли дальше.

Глубже и глубже сталъ забирать почву заступъ изслѣдователя; естественное и необходимое желаніе познать Іисуса на фонѣ культуры окружающаго его міра повело къ созданію новой области исторической науки—той, которую нѣмцы кратко и мѣтко называютъ *Neutestamentliche Zeitgeschichte*. Она касалась и іудейскаго, и эллинскаго міра. Іудаизмъ эллинистической эпохи былъ познанъ въ его

угрюмомъ теократизмѣ съ его страннымъ соединеніемъ двухъ противоположныхъ стремленій—стремленія къ обособленности и стремленія къ пропагандѣ; съ другой стороны и эллино-римскій міръ съ его неудовлетворенностью и нервной воспримчивостью къ восточнымъ откровеніямъ, стали опредѣляться все яснѣе и яснѣе. Все болѣе и болѣе тѣснымъ кольцомъ стали окружать эти изслѣдованія загадочный сосудъ великой тайны—Иисусову Галилею, которая, увы, никакихъ памятникѣвъ своей умственной культуры намъ не оставила. Пожаль результаты этихъ трудовъ пытались многіе; съ наибольшимъ успѣхомъ это сдѣлалъ тотъ, чье сочиненіе мы предлагаемъ читателю въ настоящемъ переводѣ,—*Альбертъ Ревилль*.

V.

Что такое Альбертъ Ревилль?

Въ противоположность только что названному изслѣдователямъ жизни Иисуса Христа, онъ не богословъ: того перелома, который наложилъ неизгладимую печать на умственный обликъ Штрауса и Ренана, у него не было. Онъ—просто ученый, изслѣдователь исторіи религій челоувѣчества, поставившій себѣ лѣтъ тридцать тому назадъ грандіозную задачу изобразить ее во всемъ ея объемѣ. Онъ началъ съ характеристики своей программы въ появившемся еще въ 1881 г. сочиненіи подъ заглавіемъ «Предисловіе къ исторіи религій»; за нимъ послѣдовало двухтомное сочиненіе, посвященное «Религіямъ нецивилизованныхъ народовъ» (1883). Хотя это сочиненіе и не получило такого быстрого распространенія, какъ та книга-программа, выдержавшая въ скоромъ времени четыре изданія, тѣмъ не менѣе это—серьезный и прекрасный трудъ, заслуживающій горячей рекомендаціи всѣмъ, кто интересуется обработанной въ немъ областью. Уступая по силѣ философскаго проникновенія «народной психологіи» Бильгельма Вундта, второй томъ которой посвященъ отчасти той же задачѣ, красивый трудъ Ревилля отличается легкостью и какъ бы наглядностью концепціи и этимъ значительно возвышается надъ сочиненіями этнологовъ средней руки (Леббока, напримѣръ), обыкновенно страдающими расплывчатостью и повтореніями. За религіями дикарей послѣдовали религіи чуждыхъ намъ цивилизацій—Мексики, Перу (1886), Китая (1889); за ними—интересующій насъ

злѣсь трудъ, посвященный Основателю христіанской религіи (1897).

Этотъ быстрый прыжокъ способенъ многихъ озадачить; самъ авторъ почувствовалъ это и счелъ нужнымъ сказать по этому поводу нѣсколько оправдательныхъ словъ въ предисловіи къ первому изданію. «Было бы логичнѣе», говоритъ онъ тутъ, «послѣ изложенія китайской религіи продолжать однимъ изъ великихъ политеизмовъ, которые наложили свою печать на исторію и отчасти понынѣ существуютъ, въ родѣ брахманизма, маздаизма, эллинской и древнеримской религіи. Что касается обѣихъ послѣднихъ, то ихъ изслѣдованіе продолжается съ каждымъ днемъ въ европейской наукѣ, и нельзя разсматривать нынѣшній моментъ какъ одинъ изъ тѣхъ этапныхъ пунктовъ, съ которыхъ можно оглянуться на пройденный путь съ увѣренностью, что время двинуться дальше не скоро наступитъ». Въ этомъ послѣднемъ авторъ безусловно правъ; но не значитъ ли это, что время писать исторію религіи человѣчества вообще еще не настало? Гораздо убѣдительнѣе звучитъ другое, грустное соображеніе, приведенное авторомъ дальше: «приходится ждать, а жизнь человѣческая коротка». Да, конечно, время не ждетъ; когда то въ пылу молодости, авторъ видѣлъ передъ собой величественное зданіе труда своей жизни—исторію религіи всего человѣчества, увѣнчанную христіанствомъ. Но жизни одного человѣка не хватило на его постройку, и вотъ онъ торопится водрузить куполь съ крестомъ надъ первыми готовыми этажами, чтобы придать ему хоть внѣшнюю видимость законченности.

Мы съ своей стороны, вполне сочувствуя автору,—всякое сознаніе несоизмѣримости великой задачи съ краткостью человѣческой жизни должно возбуждать сочувствіе,—не можемъ не пожалѣть, что онъ такъ неэкономно, въ восьмидесятыхъ годахъ, распорядился запасомъ своей жизни. Для науки о религіяхъ человѣчества возможны два метода: либо типологическій, либо эволюціонный. Для типологическаго метода категорія времени значенія не имѣетъ; монотеизмъ — генотеизмъ — политеизмъ — полидемонизмъ—анимизмъ; таковы тѣ типы, которые онъ прослѣживаетъ во всѣхъ областяхъ земного шара въ его настоящимъ и прошлымъ. Кто ему слѣдуетъ, тому нечего начинать съ примитивныхъ религій и кончать христіанствомъ: такое распредѣленіе задачъ свойственно эволюціонному

методу. А разъ авторъ избралъ этотъ послѣдній, то ему не слѣдовало удаляться въ Мексику и Китай: ни одна изъ магистралей, ведущихъ отъ религіознаго примитивизма къ христіанству, не проходитъ черезъ эти страны. Для эволюціониста путь изслѣдованія былъ намѣченъ заранѣе. Отъ религіознаго примитивизма исходятъ двѣ магистраліи: одна—эллинская религія, другая—іудаизмъ. Эллинская магистраль принимаетъ въ себя съ одной стороны—римскую религію, съ другой—религіи эллинизованнаго востока и затѣмъ, соединившись съ іудейскою магистралью, создаетъ христіанство. Другихъ путей нѣтъ.

VI.

Было время—для многихъ оно не прошло и понынѣ,—когда и эта формула казалась слишкомъ сложной: іудаизмъ, какъ религія обѣщанія, и христіанство, какъ религія исполненія, вмѣстѣ взятые, казалось, составляли единую цѣльную религію спасеннаго человѣчества. Ева и Марія, Адамъ и Христосъ.... всякій, въ комъ живо религіозное чувство, оцѣнитъ величественность этихъ синтезовъ: все же они—предметъ вѣры, а не науки. Но и наука въ этомъ отношеніи у многихъ пошла по стопамъ вѣры—у всѣхъ, которые выводятъ христіанство изъ одного только іудаизма, совершенно обходя античную магистраль; а такъ какъ къ нимъ принадлежитъ и нашъ авторъ, то оговорка на этотъ счетъ необходима.

Вопросъ о вліяніи античности на христіанство или, если угодно, о подготовленіи христіанства античностью представляется намъ въ двойномъ свѣтѣ—въ зависимости отъ того, разумѣемъ ли мы подъ этимъ послѣднимъ готовую христіанскую религію 3—4 в.в. или ея зарождеііе въ Галилеѣ, христіанство Златоуста или христіанство Христа. Для тѣхъ, кто вообще различаетъ эти два христіанства, античный характеръ перваго не подверженъ никакому сомнѣнію: христіанство католической церкви есть эллинизованное христіанство. Но другое дѣло — ученіе Христа; опрометчивыя попытки нѣкоторыхъ энтузіастовъ античности (здѣсь на первомъ планѣ стоитъ землякъ и сподвижникъ Ренана, Эрнестъ Гаве) только подорвали кредитъ теоріи эллинскаго вліянія, и въ настоящее время большинство трезвыхъ изслѣдователей-богослововъ и небогослововъ склонны совсѣмъ устранить эллинскую ан-

тичность при объясненіи происхожденія христіанства, окружая его Основателя исключительно іудейскою обстановкой. Въ «Галилеѣ язычниковъ», какъ ее называли правовѣрные іудеи, ни одна языческая идея не коснулась уха сына Маріи, не подготовила Его протеста противъ іудейскаго закона; такъ учать Гарнакъ, Вендландъ, а съ ними и наши авторы.

Вотъ когда я пожалѣлъ, что авторъ не изучилъ эллинской религіи, прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію зарожденія христіанства. Дѣйствительно, неудача попытки «эллинствующихъ» зависѣла отъ того, что они во что бы то ни стало хотѣли сдѣлать Иисуса ученикомъ греческой *философіи*; эта теорія достаточно опровергнута, и о ней не можетъ быть двухъ мнѣній. Но въ совершенно иномъ свѣтѣ представится намъ дѣло, если мы греческую философію замѣнимъ греческой *религіей*—той религіей, которую не такъ то легко извлечь изъ лабиринта греческихъ мѣровъ и греческихъ культовъ, и съ которой поэтому рѣдко бываютъ знакомы тѣ, которые въ ту или иную сторону разсуждаютъ о взаимоотношеніи эллинства и христіанства. Все же и тутъ туманъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе разсѣвается; истина съ каждымъ днемъ дѣлается очевиднѣе. «Заклинаю тебя Богомъ живымъ, скажи намъ, ты ли Мессія, Сынъ Божій?» спрашивали первосвященники Иисуса; торжественность заклинанія доказываетъ намъ, что въ этомъ вопросѣ сосредоточена догматическая сущность христіанства какъ новой религіи. Но въ этомъ вопросѣ заключено два представленія: Иисусъ—Мессія и Иисусъ—Сынъ Божій. И мы утверждаемъ: насколько первое представленіе объ Иисусѣ—Мессіи основано на данныхъ іудейской религіи, настолько же второе представленіе объ Иисусѣ—Сынѣ Божьемъ имѣетъ свои корни въ религіи эллинской. Ветхій Завѣтъ былъ таковымъ для христіанъ, поскольку онъ подготовилъ Иисуса—Мессію; но Иисусъ—Сынъ Божій былъ подготовленъ эллинской религіей, и ее слѣдуетъ поэтому считать вторымъ Ветхимъ Завѣтомъ христіанства. Вторымъ и, прибавимъ, главнымъ. Сына Божія искала античность во все время своего существованія; она находила его поочередно въ Гераклѣ, Аполлонѣ, Александрѣ Великомъ, Птолемѣ Спасителѣ, Августѣ, но успокоилась лишь тогда, когда нашла его въ Иисусѣ. Его она восприняла всѣми фибрами своей жаждущей души. Іудейскаго Мессію она приняла по необходимости, какъ мало